ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

М. В. Антонов

ИСТОРИЯ ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА
И МАГИСТРАТУРЫ

2-е издание, исправленное и дополненное

Рекомендовано Учебно–методическим отделом высшего образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям

Книга доступна в электронной библиотечной системе biblio-online.ru

Москва ▪ Юрайт ▪ 2017

УДК 340.15(075.8)
ББК 67.3я73
А72

***Автор*:**

Антонов Михаил Валерьевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).

***Рецензенты*:**

Почекаев Р. Ю. — кандидат юридических наук, доцент гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»;

Волков А. К. — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).

Антонов, М. В.

А72 История правовой мысли России : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / М. В. Антонов. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Издательство Юрайт, 2017. — 217 с. — Серия : Бакалавр и магистр. Модуль.

ISBN 978-5-534-01655-0

В учебном пособии дается представление о праве в связи с социальным и историческим развитием России. В хронологической последовательности описаны особенности развития русской правовой мысли, показаны перспективы развития обществ и правовых институтов, проанализированы сильные и слабые стороны правовых и политических идеологий.

Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям.

УДК 340.15(075.8)
ББК 67.3я73

Delphi Law Company

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

ISBN 978-5-534-01655-0

© Антонов М. В., 2011
© Антонов М. В., 2016, с изменениями
© ООО «Издательство Юрайт», 2017

Оглавление

Предисловие 5
Общий обзор курса 7
1. Правовые учения Киевской Руси 16
Иларион Киевский 16
Владимир Мономах 20
2. Правовые учения позднего Средневековья 24
Спор нестяжателей и иосифлян 27
Филофей Псковский 31
Максим Грек 33
3. Становление идеологии самодержавия 37
Полемика Ивана Грозного и Андрея Курбского 38
Иван Семенович Пересветов 43
Юрий Крижанич 46
4. Правовые идеи в России эпохи Просвещения 48
Феофан Прокопович 49
Василий Никитич Татищев 54
Семен Ефимович Десницкий 57
Александр Николаевич Радищев 60
5. Правовые учения начала XIX века 64
Михаил Михайлович Сперанский 65
Николай Михайлович Карамзин 69
Константин Алексеевич Неволин 71
Декабристы (П.И. Пестель и Н.М. Муравьев) 74
6. Западничество и славянофильство 79
Славянофильство (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков) ... 81
Западничество (П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен) 88
7. Русский консерватизм XIX — начала XX века 96
Сергей Семенович Уваров 98
Константин Петрович Победоносцев 99
Лев Александрович Тихомиров 101
Николай Яковлевич Данилевский 102
Константин Николаевич Леонтьев 105

8. Русский либерализм XIX века..... 110
Тимофей Николаевич Грановский 110
Константин Дмитриевич Кавелин 112
Борис Николаевич Чичерин 116
9. Русский радикализм XIX века..... 122
Михаил Александрович Бакунин..... 127
Петр Лаврович Лавров..... 129
Петр Никитич Ткачев, Сергей Геннадьевич Нечаев 130
Георгий Валентинович Плеханов..... 132
Лев Николаевич Толстой..... 133
10. Возрожденное естественное право в России 137
Владимир Сергеевич Соловьев..... 138
Павел Иванович Новгородцев 142
Евгений Николаевич Трубецкой..... 145
11. Юридический позитивизм в России рубежа XIX—XX веков 148
Этатистский позитивизм (Г.Ф. Шершеневич)..... 149
Психологический позитивизм (Л.И. Петражицкий)..... 152
Социологический позитивизм (Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев)..... 157
12. Идеал-реалистическая философия права первой половины XX века 164
Московская школа (Б.А. Кистяковский, А.С. Ященко)..... 165
Петербургская школа (Г.Д. Гурвич, П.А. Сорокин) 170
13. Неоидеализм в русской философии права начала XX века 178
Николай Александрович Бердяев..... 181
Семен Людвигович Франк 185
Иван Александрович Ильин 188
14. Альтернативы русского авторитаризма: евразийство и большевизм 196
Евразийство 196
Большевизм..... 203
Рекомендуемая литература 214

Предисловие

Настоящее учебное пособие посвящено правовым воззрениям отечественных мыслителей в контексте их общефилософских и политических взглядов. В книге дается представление о праве в связи с социальным и историческим развитием России. Дисциплина позволяет на конкретных примерах интеллектуальных конструкций разных эпох добиться лучшего понимания взаимоотношений общества и государства в современном мире.

Пособие состоит из четырнадцати глав, в которых в хронологической последовательности описаны особенности развития русской правовой мысли, показаны перспективы развития обществ и правовых институтов, проанализированы сильные и слабые стороны правовых и политических идеологий.

Учебное пособие предназначено для студентов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры, изучающих курсы истории политико-правовой мысли России, философии права, истории политических и правовых учений, истории общественной мысли России.

В результате изучения материалов пособия студент должен:

знать

- основные положения политико-правовых теорий, концепций, их значение в историческом развитии России;
- роль государства и права в политической системе общества;
- основные исторические этапы и особенности становления и развития государства и права России;
- факторы, определяющие развитие представлений мыслителей о праве и государстве;

уметь

- анализировать юридические факты и возникающие в связи с ними правовые отношения;
- анализировать, толковать и правильно применять правовые нормы;
- применять историко-теоретические знания в самостоятельной научно-практической деятельности;

владеть

- юридической терминологией;
- навыками анализа различных правовых явлений, юридических фактов, правовых норм и правовых отношений в отечественном государстве и праве.

ОБЩИЙ ОБЗОР КУРСА

Настоящий учебный курс представляет собой конспективное изложение основных этапов правовой мысли в России, хотя название «История правовой мысли России» не исключает обращения к взглядам отечественных мыслителей по вопросам политики, государствоведения. Наоборот, такое обращение к политическим и к общефилософским воззрениям изучаемых мыслителей, к социально-историческим и культурологическим предпосылкам формирования их концепций должно, по намерению автора, составлять стержневой элемент настоящей работы. Насколько это намерение удалось реализовать, судить читателю.

По идущей из советских времен традиции, право и государство выступают в названиях современных российских юридических учебных курсов, как правило, в одной связке, государство при этом имплицитно предполагается условием существования права, его неизменным коррелятом. Эта связка имплицитно присутствует и в названии курса «История политических и правовых учений», хотя очевидно, что о политике можно рассуждать и отрицая идею права, чему примером служит сама советская политическая доктрина. Возможна, впрочем, и обратная ситуация, когда во имя идеи права отрицается ценность государственности, что иногда можно встретить в социологической юриспруденции. Делая в настоящей работе акцент именно на правовой мысли, мы не будем вдаваться в обсуждение терминологических делений, пытаясь разграничить право и государство там, где сами изучаемые авторы этого делать не предполагали. Очевидно, отрицать идейную связь между представлениями о праве и представлениями о государстве в творчестве изучаемых мыслителей недопустимо.

Любой учебный курс традиционно начинается с вопроса о предмете и методе. Простыми словами, это вопрос о том, что и как будет изучаться. Если взять несколько упрощенное определение предмета научной дисциплины, как совокупности данных об объекте изучения, заданных специфическим ракурсом рассмотрения, то предметом курса можно считать представления о праве, сформули-

рованные мыслителями, принадлежащими к русской (российской) культуре. При этом сразу внесем уточнение — некоторые рассматриваемые в рамках курса мыслителя этнически не принадлежали к русскому народу (Юрий Крижанич, Максим Грек и многие другие), но, несомненно, их творчество представляет собой неотъемлемую часть интеллектуальной и духовной истории нашего отечества, и поэтому попадает в пределы изучения.

В отличие от предметов юридических наук, изучающих историю государства и права, предметом истории правовой мысли являются не сами исторически развивающиеся правовые учреждения и институты, а соответствующие формы их теоретического познания. Очевидно, что эти институты и учреждения представляют собой один из важнейших индикаторов правового мышления эпохи, но с учетом особых задач, стоящих в рамках курса истории правовой мысли России, нет смысла дублировать курс истории государства и права России, рассматривать содержание собственно правовых актов, таких как Русская Правда или Соборное уложение 1649 года. Если они и будут затронуты, то только в контексте изучения тех мировоззренческих принципов, которые повлияли на их создание, понимания общего правового менталитета людей тех эпох.

Другим критерием отграничения научных и учебных дисциплин друг от друга является метод, под которым можно понимать способ изучения предмета. В рамках курса истории правовой мысли России метод будет, следовательно, означать способ интерпретации и оценки относящихся к отечественной культуре учений о праве. Основными методами этого курса являются хронологический — последовательное описание правовых концепций, и сравнительно-исторический — сравнение элементов концепций между собой, а также соотнесение этих элементов с основными теоретическими и практическими вопросами государствоведения и правоведения, которые возникают в развитии любой культуры.

Имея представление о предмете и методе, мы можем двинуться далее и приступить к изучению периодизации, начальный период которой — середина XI века. Выбор данной исходной временной границы нашего курса связан со временем возникновения первых литературно-правовых памятников, дошедших до наших дней. Эта периодизация относительна, так как правовые институты у древних славян, разумеется, возникли раньше государства и письменности, и поэтому определенные представления о праве имелись у наших отдаленных предков — восточных славян —

еще до возникновения письменности. Есть определенные указания на правовой менталитет, обычаи, порядки восточных славян у византийских, арабских, западноевропейских историков, но они не многочисленны и не дают возможности создать полную картину правового мышления в Древней Руси.

В научной и околонаучной литературе со времен славянофильства нет недостатка в псевдоконструкциях славянской ментальности, «архетипичных образов» права и государства в сознании русского народа, но эти конструкции и образы вскрывают более субъективные представления их авторов, чем реальные факты интеллектуальной жизни далеких эпох. Поэтому эти конструкции можно оставить в стороне, а изучение истории отечественной правовой мысли следует, скорее, начать с первых литературно-правовых памятников, из которых мы выбрали «Слово о Законе и Благодати» митрополита Иллариона, «Поучение» Владимира Мономаха. Этот выбор вынужденный, поскольку такие работы, как «Повесть временных лет» (первый свод русской истории, автором которого является летописец Нестор) или «Слово о полку Игоревом» также содержат немало интересной с точки зрения настоящего курса информации, но за недостатком места мы на них останавливаться не будем, отсылая студентов к специальной литературе.

Следует подчеркнуть, что применительно к данным работам употребляется именно термин литературно-правовые, так как эти произведения не имели формы научных трактатов, а правовые идеи излагались не в научной, а в художественно-литературной форме. Для этих памятников также был характерен синкретизм — право не отграничивалось строго от этики, религии и других социальных регуляторов, также как и государственные институты не дифференцировались в достаточной степени от иных социальных явлений.

В рамках настоящего курса возможно выделить три хронологических этапа: средневековье: с середины XI века по конец XVII века, эпоха западных влияний: конец XVII века — конец XIX века, эпоха зрелости: начиная с конца XIX века. Здесь мы делаем акцент на внутренней логике развития русской правовой мысли: от типичного для русского и западного средневековья теоцентричного мышления к применению идей рационализма и гуманизма, к учениям о праве, что в России преимущественно облеклось в форму заимствований из западноевропейской социальной философии,

которая опередила философию русскую в этом движении. Эта внутренняя логика проходит сквозной линией через содержание данной работы, хотя мы не считали нужным следовать этому абстрактному делению при разбивке содержания на главы.

Первый этап, средневековье — это период становления и формирования основных черт правовой мысли в России. Средневековье в России, также как и в Западной Европе, было окрашено в религиозные тона, и поэтому представления о праве необходимо соотносились с православной теологией, нередко в противопоставлении к другим конфессиям и религиям. Основная полемика шла о религиозном значении права. В этом отношении показательно «Слово о Законе и благодати» — право здесь увязывалось именно с его религиозной функцией. Отметим, что основными терминами правового дискурса той эпохи были понятия закона и правды. Их смысл существенно отличался от смысла, который мы сегодня вкладываем в данные понятия. Как убедительно показано Б.Г. Унбегауном, «правда» обозначала правовые акты княжеской власти, а «закон» — религиозно и этически оправданные нормы (аналог того, что мы называем естественным правом). То есть, изначально эти понятия имели смысл, обратный современному, а сам термин «право» пришел в наш язык достаточно поздно — только в XVI веке из польского языка.

Теократическая тенденция определяла правовое мышление и в период строительства Московского государства. В центре внимания мыслителей позднего русского средневековья — вопросы соотношения между государством и церковью, соотношение общего блага и личной свободы, которая мыслилась преимущественно как свобода религиозная (как, впрочем, и в Западной Европе того времени). Эта проблематика поднимается в полемике царя Иоанна Грозного и его политического противника князя Андрея Курбского, в спорах иосифлян (во главе с Иосифом Волоцким) и нестяжателей (Нил Сорский) о роли церкви в социальной и экономической жизни). Наиболее характерный пример этому настрою средневековой ментальности представляет сформулированная в XVI веке доктрина Москва — Третий Рим, обосновавшая всемирно-историческое значение столицы русского государства Москвы как духовного и церковного центра православного мира.

Второй этап — эпоха западных влияний — начинается с реформ Петра I. Эти реформы поставили Россию перед вопросом адаптации правовых идей и принципов Западной Европы в той

ситуации, когда отечественная, преимущественно религиозная, мысль оказалась не в состоянии следовать за быстрыми социальными преобразованиями. Под термином «заимствование» мы имеем в виду не простое копирование западных образцов, а творческую, свободную переработку сформулированных в Западной Европе правовых идей с внесением элементов, оттеняющих как личность авторов, так и особые социально-политические реалии тогдашней России.

В этом плане наиболее характерно учение архиепископа Феофана Прокоповича, ближайшего сподвижника Петра, видного церковного и политического деятеля, в частности инициатора упразднения патриаршества и создания Священного Синода в России. Компилируя идеи ведущих западных мыслителей — Томаса Гоббса, Самуэля Пуфендорфа, Гуго Гроция — Прокопович развивал своеобразную теорию монархической власти применительно к социально-политическому строю России начала XVIII в. В этом же аспекте может рассматриваться и естественно-правовая концепция профессора Московского университета Семена Десницкого, во второй половине XVIII века развивавшего свою теорию на основе разработок английских правоведов и попытавшегося приложить свои идеи к политическим реалиям тогдашней России.

Но русская мысль недолго занималась компиляцией. Уже через столетие после начала петровских реформ она явила достаточно интересные образцы правовых построений. Эти построения хоть и опирались на интеллектуальные разработки других стран и культур (как, например, философия французского Просвещения для Радищева или гегелевская философия истории для славянофилов), но в их рамках русские философы мыслили уже вполне независимо, приходя к оригинальным выводам. Эта хронология также используется с учетом ее относительного характера — в истории всегда можно найти немало примеров того, как отдельные мыслители опережали строй мысли своего времени и формулировали революционные для своей эпохи идеи, которые находили понимание лишь столетия спустя.

Основной особенностью рассматриваемого этапа является то, что теперь государство не сакрализируется и мыслится не проводником Божественной воли, а защитником интересов личности и общества. Такой коренной поворот политической мысли произошел в России позднее, чем в Западной Европе с ее гуманистическими идеалами эпохи Возрождения и новым представлением о государ-

стве как об общественном состоянии, но в целом развитие правовых идей в России следует данному вектору развития правового мышления западной цивилизации. В эпоху Просвещения правовой менталитет русской интеллектуальной элиты тесно сближается с идеями западноевропейских мыслителей, так что многие идеи оказываются общими на Западе и в России уже с конца XVIII века. Этот поворот в образе мысли наглядно демонстрируют правовые идеи виднейших историков той эпохи — Василия Татищева, а затем и Николая Карамзина.

Русское Просвещение, также как и Просвещение европейское, содержало внутреннее противоречие, а именно игнорирование различия интересов личности и общественного целого. Это противоречие выяснилось сначала в полемике славянофилов и западников, а затем в идеологическом противостоянии русских консерваторов (главой которых был Константин Победоносцев) и либералов (во главе с Борисом Чичериным). Правовая мысль Владимира Соловьева подытожила развитие русской философии права. Своей попыткой снять означенное противоречие философско-правовая система Соловьева знаменовала третий этап этого развития — этап зрелости, или «эпоху систем», по определению русского философа Василия Зеньковского. Владимир Соловьев сформулировал цельное, синтетическое видение права, связавшее воедино его разные аспекты. Его концепция — одно из важнейших проявлений русской общественно-правовой мысли; эта концепция стала новым словом не только в интеллектуальной истории нашего отечества, но и в движении мировой научной мысли. Это синтетическое видение права было развито учениками Соловьева — П.И. Новгородцевым, А.С. Ященко, И.А. Ильиным и другими в контексте проектов интеграции знания о праве. Эта школа получила название российской школы возрожденного естественного права или Московской школы философии права.

Наряду с этим научным направлением особый идеал-реалистический подход к праву был развит и учеными Санкт-Петербургской школы философии права. Основы ее были заложены профессорами Петербургского университета Николаем Коркуновым и, особенно, Львом Петражицким. Творческий потенциал этой школы был развит вышедшими из школы Петражицкого мыслителями — прежде всего, Питиримом Сорокиным и Георгием Гурвичем. Особенность этой школы заключается в многоаспектности видения права, рассматривающегося сразу как нормативно-властное, психо-

логическое и ценностное явление, в плюралистичности методологических приемов, использовавшихся для познания права.

Эти две школы правовой мысли указывают на период расцвета философско-правовой мысли в России. По общепринятой историографической классификации, революцией 1917 года начинается период новейшей истории России (по терминологии недавней советской эпохи — заканчивается история царской России и начинается новая советская история). Но, очевидно, интеллектуальная история России на этом политическом событии не прерывается. Она продолжается как в Советской России, где первые идеологи нового правового строя (Евгений Пашуканис, Михаил Рейснер и другие) продолжают традиции дореволюционного правового дискурса и развивают идеи, вытекающие из общего развития политических и правовых концепций в России. Поэтому в рамки данного курса включено творчество мыслителей первой волны русской эмиграции, которые за границей продолжили развитие взглядов, ранее сформулированных в России. Равно как и идеи мыслителей, что остались в Советской России, присоединились к числу сторонников нового строя, но при этом не ограничились слепым воспроизведением идеологических постулатов новой власти.

Освоение этой дисциплины не должно рассматриваться как простая тренировка памяти или ненужный мировоззренческий довесок к курсу юридических дисциплин. Знание и понимание основных вех и тенденций развития отечественной правовой мысли позволит студенту, да и юристу-практику, лучше понять содержание современной правовой доктрины, лучше реагировать на ее изменения и понимать ее потребности, возможно, даже прогнозировать ее дальнейшее развитие. Юридическое знание следует рассматривать не как ремесло — это удел юристов, которые не будут претендовать на высокий уровень и в своей деятельности будут ограничены и связаны сформированными до них, за них и вместо них идеями и представлениями. Профессия юриста, выражаясь словами древнеримских юристов, это своего рода искусство, которое требует широкого кругозора, чтения не только правовых текстов, но и того, что написано между строк — в культурном, интеллектуальном контексте эпохи. Только такой юрист сможет претендовать, ceteris paribus, на настоящий профессиональный успех, который одновременно должен быть и успехом творческим, способом интеллектуальной самореализации.

Таково, вкратце описание границ и основных тем настоящего курса. Основной целью данного пособия является возможность дать студентам общее представление о содержании изучаемой дисциплины, в какой-то мере оно может служить дополнением к устному лекционному курсу. Поскольку в рамках учебных программ, по которым автором читался данный курс, дисциплине было отведено достаточно небольшое количество лекционных часов (от 20 до 30), содержание курса достаточно сжато и его изложение намного скромнее и конспективнее по сравнению с классическими учебниками.

Здесь автор принимал во внимание наличие двух задач, которые при такой структуре курса необходимо преследовать. С одной стороны, это вычленение основных моментов, ключевых идей и персонажей истории правовой мысли России. Данная задача является нелегкой с учетом всего богатства содержания, что являет наша интеллектуальная история, и поэтому в изложении курса мы вынуждены отказаться от рассмотрения многих интересных философско-правовых и политологических построений. Необходимый выбор в пользу ограниченного круга идей и персонажей, что изложены в пособии, основан на авторском видении значимых моментов в эволюции русской правовой мысли, роли в ней отдельных мыслителей.

С другой стороны, даже такое сознательное ограничение круга рассматриваемых идей и представлений не позволит сосредоточиться на детальном изложении концепций нескольких избранных авторов — сложный и поучительный путь отечественной правовой интеллектуальной истории требует рассмотрения достаточно широкого круга мыслителей, без упоминания и описания (хотя бы конспективного) идей которых любое изложение истории правовой мысли России будет ущербным и пробельным. Поэтому настоящее пособие представляет собой не глубокое научное исследование соответствующих правовых концепций, а предназначено быть своеобразным Existenzminimum для прохождения студентами экзаменационного испытания.

С учетом всех этих обстоятельств студентам необходимо принимать во внимание, что сама логика построения курса требует самостоятельного чтения первоисточников и литературы по темам. Следует ориентироваться на то, что такое чтение по времени, как минимум, в два раза должно превышать количество часов аудиторных занятий. Примерный минимальный перечень

рекомендуемой литературы для самостоятельного освоения приводится к каждой главе, что, разумеется, не препятствует студентам обращаться и к другим источникам, включая и интернет-публикации. В то же время, учитывая сжатый характер изложения в настоящей работе, автор рекомендует студентам, желающим более подробно ознакомиться с курсом «История политических и правовых учений России», обращаться к более объемным фундаментальным учебным пособиям, среди которых, в первую очередь, рекомендуются классический учебник И.А.Исаева и Н.М. Золотухиной «История политических и правовых учений России XI—XX вв.», раздел второй учебника петербургских авторов И.Ю. Козлихина, А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной «История политических и правовых учений».

Рекомендуемая литература

Азаркин Н.М. История юридической мысли России: Курс лекций. М., 1999.

Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.

Графский В.Г. История политических и правовых учений: Учебник. 3-е изд. перераб. и доп. М., 2009.

Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Л., 1991.

Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Т. 1-3. М., 1997.

Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений России XI—XX вв. М., 2003.

История политических и правовых учений: Учебник для ВУЗов. Под общ. ред. проф. В.С. Нерсесянца. М., 2004.

Козлихин И.Ю., Поляков А.В., Тимошина Е.В. История политических и правовых учений: Учебник. СПб., 2007.

Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1-3. М., 1993.

Унбегаун Б.Г. Язык русского права // На темы русские и общие / Под ред. П.А. Сорокина, Н.П. Полторацкого. Нью-Йорк, 1965.

1. ПРАВОВЫЕ УЧЕНИЯ КИЕВСКОЙ РУСИ

История правовой мысли Киевской Руси до появления первых правовых памятников может быть реконструирована по тем летописным сообщениям, которые рассказывают нам о правовом и государственном быте древних восточных славян и норманнов, которые, согласно господствующей исторической традиции, рассматриваются в качестве основателей русской государственности. Не вдаваясь в полемику между сторонниками и противниками «норманнской теории», мы можем вывести, что, по крайней мере, нашим отдаленным предкам IX века были известны идеи договора, обязательства, политической власти — об этом можно судить по летописному сказанию о призвании варягов, о договорах между Русью и Византией, по иным сообщениям. Судя по всему, эти представления основывались на традициях обычного права, на регулярно повторяющихся поведенческих стереотипах, которые со временем становились правилами поведения, легитимность которых обосновывалась ритуальными клятвами, магическими обрядами, авторитетом предания. В пределах данной главы будут рассмотрены наиболее репрезентативные для понимания интеллектуальной атмосферы той эпохи идеи двух ключевых мыслителей: митрополита Илариона и князя Владимира Мономаха.

Иларион Киевский

О жизни и деятельности митрополита Илариона мы знаем из сообщений древнерусских летописей, которые характеризуют его как «мужа книжного». Как пресвитер придворной церкви святых Апостолов в княжеском селе Берестове, Иларион был знаком князю Ярославу Мудрому. По некоторым причинам Ярослав вместе с советом епископов решил поставить Илариона митрополитом русской церкви в нарушение долгой традиции назначения

митрополитов из Византии. Каковы же эти причины? В этой связи можно вспомнить летописные сообщения из той же «Повести временных лет» о просветительской деятельности князя Ярослава Владимировича, которые во время своего княжения в Новгороде распорядился собрать детей старост и священников для обучения их чтению и письму. Тяга князя Ярослава к книжности и стремление к ее распространению на Руси засвидетельствована в еще одном сообщении «Повести временных лет» — он, «собрав писцов многих», организовал перевод греческих книг, благодаря чему при Софийском соборе в Киеве была устроена первая библиотека. По всей видимости, на фоне общей малограмотности туземного духовенства «книжный муж» Иларион показался Ярославу Мудрому достойным проводником тех начинаний, которые по тем или иным причинам не решался доверить греческим и южнославянским священникам, приехавшим из Византии.

Тот факт, что именно русский священник занимает пост митрополита, расценивается многими историками как начало борьбы за независимость русской церкви от греческой, и, следовательно (с учетом доминирования религиозной проблематики в культурной жизни), как признак становления, обособления русской культуры, претендующей на самостоятельность по отношению к византийской цивилизации. К этим признакам можно отнести также составление церковного устава — Судебника, чье содержание хоть и повторяло номоканоны византийской церковной традиции, но символизировало желание устроителей Русской церкви показать ее автономию особенно в тот момент, когда, по словам летописца, «вера христианская плодиться и расширяться».

С историческими и политическими событиями той эпохи связан смысл главного произведения Илариона — «Слова о законе и благодати». Так принято кратко называть произведение, имеющее более развернутое название «О законе, данном через Моисея, и о благодати и истине, явленной Иисусом Христом, и о том, как закон миновал, а благодать и истина наполнила всю землю и вера распространилась во всех народах вплоть до нашего народа русского; и похвала великому князю нашему Владимиру, которым мы были крещены; и молитва к Богу от всей земли нашей». В данном случае название отражает и содержание произведения, и его композицию, состоящую из 3-х частей: «о законе и благодати», о значении христианства для Руси, похвала князьям Владимиру и Ярославу. Данное произведение

построено по всем правилам ораторского искусства, по-видимому, не без влияния письменной культуры и риторского искусства Византии того времени: общие рассуждения на затронутую в первой части сочинения тему соотношения закона и благодати служат посылками для доказательства действия Божественного промысла в деле крещения Руси.

Иларион начинает цепь своих доказательств с изложения причин и механизмов действия Божественной воли во всемирной истории. Вместе с тем, он не делает обширных экскурсов в ветхозаветную и новозаветную эпохи, как это было принято в христианской историографии Византии, а предпосылает описанию действия Благодати на русский народ общие философские соображения о причинах исторического прогресса. Видимо, для русичей той эпохи цитаты из Священного писания еще не были значимы и убедительны, поэтому их место в данном произведении вторично. Для пояснения своих идей Иларион все же обращается к библейским сюжетам. Ветхий завет через пророка Моисея был дан людям, чтобы они не погибли в «идольском мраке» и путем механического соблюдения закона сумели спастись среди языческого многобожия. Этот закон был известен только древним евреям, роду Авраамову, и не получил распространения среди других народов. Из-за своей национальной ограниченности закон «обветшал» и был лишь тенью истины, которую не переставали искать ветхозаветные пророки. Новый завет приходит на смену начальному периоду истории, где «осквернённый сосуд» — человеческое естество — было омыто водой закона и подготовлено к восприятию благодати. При этом благодать уже оказывается не узконациональным явлением, а достоянием всех людей, которые равны друг перед другом в служении Духу. По мнению Илариона, то, что благодать дошла и до русской земли, показывает не простую историческую случайность и не стечение политических событий, а указывает на наличие божественного попечения о русском человеке — «но помиловал нас Бог, и воссиял в нас свет разума к познанию Его».

Теоретическое осмысление христианизации Руси и значения этого факта для всемирной истории сменяется летописным повествованием о деяниях князя Владимира и его «верного восприемника» — князя Ярослава. В контексте своих теоретических рассуждений Иларион считает, что Владимир крестил Русь не благодаря визан-

тийскому политическому влиянию и не из надежды на дипломатические выгоды от союза с Византией, а благодаря озарению Высшей силы, которая благодатно устроила данное историческое событие. Отсюда Иларион выводит, что Владимир достоин равного с апостолами почитания и сравнивает великого русского князя с императором Константином Великим, утвердившим христианство в Западной и Восточной Европе. То, что в построениях Илариона великий князь становится прямым проводником Божественной воли, показывает, что русскому мыслителю были чужды представления западной ветви христианства о посреднической роли Церкви между Богом и человечеством, равно как и западно-христианские идеи разделения функций светской и церковной властей. Это тем более показательно, что время написания «Слова» совпадает с известными событиями, в результате которых в середине XI в. произошло разделение православной и католических ветвей христианства.

Подытоживая, можно увидеть, что Иларион в «Слове о законе и благодати» искусно соединил философскую и богословскую мысль достаточно высокого уровня абстракции с видением исторической роли русского народа. Кроме «Слова о законе и благодати», Илариону принадлежат также «Молитва» и «Исповедание веры» — сочинения, настолько близкие к «Слову» по своему стилю и содержанию, что долгое время церковная традиция рассматривала их как единое произведение. Значение этого памятника русской мысли для средневековья огромно — многие последующие авторы в своих сочинениях воспроизводили стиль изложения мысли (общая историко-философская схема, применительно к которой делались оценки современной авторам действительности), риторические приемы, а иногда средневековые мыслители заимствовали целые фрагменты «Слова». В этом плане «Слово о законе и благодати» можно охарактеризовать как одну из вех становления письменной русской культуры, не говоря уже о значении его для правового развития той эпохи, когда представления людей еще воспринимали право в его нераздельном, синкретичном единстве с другими (моральными, магическими, религиозными) регуляторами. Закон в этом замечательном сочинении был уже отделен от благодати, то есть от религиозной системы координат поведения, которая получала высшее значение по сравнению с позитивными нормами и установлениями, значение которых при этом не отрицалось, а лишь помещалось ниже в иерархии мироустройства. Хоть аналогий между

Ветхим заветом, Законом в терминологии «Слова», и позитивным законом Иларион не проводит, но деление между позитивными установлениями власти и божественными заповедями достаточно быстро было найдено и обосновано средневековыми мыслителями, последователями Илариона.

Владимир Мономах

Собственно правовые воззрения Владимира Мономаха (1053-1125 гг.) были выражены в Поучении — своеобразном духовном завещании, — и в автобиографических заметках, которые фактически являются приложением к Поучению. Эти произведения написаны в начале XII века.

Но далеко не в изложенных в них идеях заключается значение Мономаха для истории русской правовой культуры. В отличие от Илариона, чьи идеи служат символом духовной и интеллектуальной жизни той эпохи, применительно к Владимиру Мономаху важна сама личность этого древнерусского князя, которая в позднее средневековье (особенно с начала XVI века) приобретает особое значение для русского самодержавия. С тех лет московские государи начинают смотреть на Мономаха как на своего родоначальника. В официальной политической идеологии утверждается концепция, согласно которой Московское государство является наследником Византийской империи. Владимир Мономах рассматривается в качестве лица, через которого московские государи получили от византийских императоров символ царской власти — знаменитую шапку Мономаха. Легендарное событие о даре Мономаху византийским императором Алексеем I Комнином царского венца византийского императора Константина Мономаха и других предметов, знаменующих царскую власть, дало пищу для позднейших теоретических рассуждений о преемственности власти русских царей от Византии.

Еще одно важное обстоятельство, характеризующее личность Владимира Мономаха в русской истории, это то, что годы его правления сохранились в народном предании как время могущества Руси, когда русским людям можно было жить спокойно, не опасаясь ни княжеских междоусобиц, ни набегов кочевников. Поэтому в летописях Мономах оставался знаковой фигурой, воплощающей идеал верховного правителя.

Вспомним политическую обстановку, в которой создавались эти произведения. Удельные князья превратились к началу XII века в самостоятельных властителей, находящихся с Киевом в конфедеративных отношениях, что проявилось во время княжеского съезда в Любече в 1097 году. Князья договорились здесь об объединении усилий ради интересов Русской земли, но при этом условились, что «каждый да держит отчину свою», и для скрепления этого договора целовали крест.

Владимир Мономах с самого начала выступил сторонником этого нового для Руси политического порядка. Данный порядок основывался на введении договорных начал в дела государственного устройства. Отсюда и основная черта, характеризующая правовые идеи Мономаха — полное смешение публично-правовых и частноправовых начал. Политические представления того времени сводятся к видению власти как патримониального достояния, аналогичного праву собственности на имущество. Государство поздней Киевской Руси сводилось к системе договоров князей между собой, князей со своими дружинами, с населением подвластных городов (вече, сход). Причем соблюдение договоров все больше зависело от доброй воли самих князей. Для принуждения кого-либо из них к выполнению договорных условий на практике не оставалось другого средства, кроме нравственной проповеди — взывания к его христианской совести, увещевания к соблюдению крестного целования. Либо же призвания населением на княжение другого властителя, что было повторяющимся политическим фактом той эпохи.

Именно к утверждению принципа неукоснительного соблюдения договоров, включая и такие публично-правовые договоры, сводится «Поучение» Мономаха. Любая процедура заключения договора на Руси в ту пору скреплялось крестоцелованием, что давало таким соглашениям некое сакральное, религиозное значение, легитимность. В изложении Мономаха принцип соблюдения договоров звучит так: «если будете крест целовать, то клянитесь о том, на чем можете устоять, а поклявшись, соблюдайте, а иначе, преступив, погубите свою душу». В своих карательных походах против князей-ослушников Владимир в качестве основного мотива использовал именно нарушение крестоцелования, что давало обоснование для задействования публичного механизма восстановления статус-кво. Так конструировались первые представления о действии права.